

УДК 94(47)

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

© 2019 А.Б. Бирюкова

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 25.04.2019

В статье выявлены факторы, оказавшие наибольшее воздействие на течение повседневной жизни тыловых городов в «эпоху Отечественной войны 1812 года», а также повлиявшие на их дальнейшее социокультурное развитие. Работа выполнена на материалах средневожских губерний.

Ключевые слова: провинциальный город, Отечественная война 1812 года, Среднее Поволжье, городская повседневность, беженцы, военнопленные, ополчение, храмоостроительство.

В современной отечественной историографии заметен устойчивый интерес к разнообразным аспектам проблемы «власть и общество» в контексте изучения важнейшего для России события начала XIX века – Отечественной войны 1812 года. Анализ научной литературы показывает, что тема Отечественной войны 1812 года перестала рассматриваться исключительно в рамках классической военной истории. Фокус исследовательского интереса в новейшей историографии сместился в сторону изучения социокультурных процессов, порожденных нашествием «дванадцати языков» на Россию. Локально-исторические исследования, выполненные на материалах Среднего Поволжья, посвящены таким аспектам темы, как участие в войне различных сословий¹, размещение военнопленных в городах Поволжья², влияние войны на развитие культуры российской провинции³. Весьма интересны исследования, посвященные росту социальных девиаций в обозначенный период⁴.

*Бирюкова Анна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества.
E-mail: annabir@mail.ru*

Вместе с тем влияние Отечественной войны 1812 года на развитие городов тыловых регионов крайне скудно освещено в новейшей историографии⁵. Целью настоящей публикации является изучение воздействия событий 1812-1814 гг. на социально-экономическое и социокультурное развитие городов Среднего Поволжья (Симбирская, Пензенская и Саратовская губернии).

Важнейшими факторами, оказавшими наибольшее влияние на течение повседневной жизни в средневожских городах, являлись: 1) формирование ополчения; 2) приток беженцев различных сословий из Москвы и центральных губерний; 3) пребывание в 1812-1814 гг. в Среднем Поволжье военнопленных армии Наполеона.

В столице слухи о возможной войне с Францией циркулировали задолго до ее начала⁶. Приближение войны ощущалось и в средневожских городах. П.И. Юматов, проживавший в Пензе, писал: «1811 год застал меня в неопределенном положении. Везде слышно было о французах, об их военных действиях, о бывших неудачах русских армий. Все были озабочены политическими обстоятельствами»⁷. В этом же году «в связи с угрозой войны с Францией» было решено

сформировать Ставропольский калмыцкий и два башкирских полка «для усиления армии и чтобы приобучить на будущее время к службе калмык и башкир»⁸. Местом сбора 1-го Башкирского полка был назначен Симбирск, откуда полк выступил в северо-западном направлении летом 1811 года.

В марте 1812 г. был проведен 82-й рекрутский набор. Рекрутские присутствия в городах открылись раньше намеченного срока, что не могло остаться без внимания жителей⁹. Текст императорского манифеста от 23 марта 1812 г. не оставил никаких сомнений в грядущей войне¹⁰.

Тревожные ожидания подогревались необычным небесным явлением – прохождением кометы, которую жители региона наблюдали в конце 1811 – начале 1812 года. И.А. Второв писал: «Наступил несчастный 1812 год, в начале его каждую ночь мы любовались прекрасной звездой с длинным хвостом. Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно из самой древности появляющиеся кометы, всегда пугали людей, и когда исполнялись их предвещения, и верили, так и теперь случилось»¹¹.

Известие о вторжении 12 июня 1812 года армии Наполеона в пределы Российской империи жители средневожских городов получили с некоторым опозданием. Так, пензенцы узнали о начале войны 1 июля, саратовцы – 3 июля 1812 года. Спустя примерно полмесяца был получен манифест от 6 июля о созыве земского ополчения¹². Пензенская и Симбирская губернии были включены в состав III округа. Саратовская губерния не вошла в состав внутреннего ополчения. Лишь несколько десятков дворян были направлены в Пензенское ополчение на офицерские вакансии¹³. В связи с осложнившейся обстановкой после Бородинского сражения набор ратников был увеличен¹⁴. Однако к началу октября в Пензенском ополчении числилось в недоборе 21,1% ратников, в Симбирском – 43,8%¹⁵.

Созданные в большинстве губерний Комитеты пожертвований на ополчение воз-

главлялись губернскими предводителями дворянства. В Пензе из-за конфликта между предводителем и губернатором выбрали нейтральное лицо – бригадного командира Н.С. Кашкарова¹⁶. В состав комитетов входили также депутаты от других сословий – купечества и духовенства. Дворянские взносы были обязательными и составляли львиную долю средств, собранных на ополчение¹⁷.

Вторая часть денежных средств состояла из добровольных пожертвований. Данные по губерниям здесь существенно различались. Если в Симбирской губернии подавляющее число пожертвований пришлось на долю городских сословий (47% суммы внесло купечество и 8% – мещане), то в Пензенской губернии картина была несколько иной. Пожертвования купцов здесь составили 29% всех добровольных ассигнований, и лишь 1% пришелся на долю мещанства. Весьма интересен тот факт, что значительное число денежных средств было внесено духовенством. В Симбирской губернии этот показатель составил 20,6%, в Пензенской – 34,1%¹⁸. В Саратовской губернии на нужды ополчения, помимо провианта и вооружения, было собрано 401550 руб. серебром¹⁹.

Частные пожертвования купцов 1-й, 2-й гильдии достигали нескольких тысяч рублей. Такие суммы были внесены пензенскими купцами Н. и А. Очкиными, И. Иванисовым, алатырским купцом В.С. Пасилановым (вместе с братом Михаилом). Купцы Ставрополя собрали 125 руб., «градское общество» Кузнецка пожертвовало на поддержание инвалидов 300 рублей. В документах фигурируют и более мелкие суммы. Так, от жителей г. Городище было собрано 53 руб. 15 коп., а суммы пожертвований горожан составляли от 10 до 25 копеек²⁰.

Купечество не только жертвовало частным порядком, но и выполняло взятые на себя коллективные обязательства. С.В. Белоусов, анализирувавший вклад купечества в победу над Наполеоном, отмечал: «В Симбирской губернии купцы 1-й гильдии постановили собрать на ополчение по

1000 руб., купцы 2-й гильдии постановили пожертвовать 3% с оборота за 2 месяца, купцы 3-й гильдии – 2% с оборота в течение 4-х месяцев»²¹. Карсунское городское общество приняло решение ссудить правительству, нуждавшемуся в деньгах, 18130 рублей. Эти деньги были возвращены городу в 1818 году²².

Далеко не всегда патриотический настрой местного дворянства и купечества был решающим мотивом поведения. Саратовцы, согласно свидетельству современника, не спешили расстаться с капиталами. Саратовский протоиерей Н.Г. Скопин писал в дневнике 15 августа 1812 года: «По отмене милиции никто из дворян и купцов не пожертвовал. Вот патриоты! Жалкие люди... Умы еще не созрели в России! Да и долго не созреют»²³.

В течение 1812 года существенно увеличилась налоговая нагрузка на податные слои населения. Так, если в 1805 г. подушная подать с мещан и цеховых составляла 5 руб., то в 1812 г. ее размер был увеличен до 8 руб. в год²⁴. Кроме того, податные сословия выполняли массу обременительных натуральных повинностей, которые в условиях военного времени становились еще более тягостными. Помимо многочисленных сборов на военные нужды с началом войны коронная власть в дополнение к мартовскому рекрутскому набору провела еще два набора (повторились в 1813, 1815 и 1818 гг.)²⁵.

Увеличение податей и повинностей в совокупности с отсутствием достоверных сведений и мобильного механизма оповещения в условиях военного времени привело к циркуляции слухов и нарастанию истерии. В средневожских городах в основном циркулировали два рода кривотолков и домыслов. Первая группа отражала галлофобские настроения, которые распространялись не только на французов, но и всех иностранцев²⁶. Второй род слухов носил антикрепостнический характер и был порожден военными трудностями, усилившими гнет податного населения. Военная обстанов-

ка активировала монархические иллюзии социальных низов и спровоцировала распространение ничем не подтвержденной информации о возможном грядущем освобождении помещичьих крестьян. В.И. Семевский приводит следующий факт: «в Симбирске *почтальон* (курсив мой. – А.Б.) Александров сказал дворовому одного чиновника, что в Петербурге и Москве есть уже повеление о даровании вольности всем помещичьим крестьянам и что скоро и в Симбирске оно будет получено и объявлено не чрез помещиков, а чрез *почтальонов*»²⁷.

Пунктами сбора ополчения, комплектовавшегося главным образом из помещичьих крестьян, становились крупные города региона – Саранск, Мокшан, Краснослободск, Пенза, Симбирск, Алатырь, Ставрополь, Сенгилей, Карсунь. По мнению М.Ю. Иванова, «состав Симбирского ополчения носил... маргинальный характер». Большинство помещиков и крестьянских общин стремились сбыть в ополчение крестьян, в документах называемых «пьяницами», «изгоями», «ворами», «мотами»²⁸. С.В. Белоусов констатировал подобную картину и в Пензенском ополчении²⁹.

В трех городах Пензенской губернии – Инсаре, Чембаре и Саранске, произошли волнения ратников ополчения. «В Инсаре народ взбунтовался, даже иные хотели убить должностных лиц, которые узнав, бежали», – пишет проживавшая в то время в Пензе Н.Н. Мордвинова³⁰. Среди ратников распространился слух о том, что «ополчение собрано не по воле Государя, а по воле самих дворян и с тем, чтоб, приведя их перед французскою армию, продать безоружным Наполеону, а он, как пленных, отошлет их воевать за него в другие немецкие земли, точно также как продали Москву»³¹. Ополченцев насторожил тот факт, что набор не сопровождался знакомым ритуалом – «них ни лбов, ни бород не брили, к присяге не приводили, обмундировка не рекрутская, а крестьянская», а главное, им не был представлен указ царя «с золотой печатью»³².

В этих требованиях отразилась типичная формула, характерная для русской социальной утопии³³ – противостояние между истинной царской властью и антинародной властью высшего сословия. В условиях военного времени последняя составляющая этой социально-политической дихотомии представлялась не только как предательство собственного народа, но и как проявление антинациональных установок элиты.

В ходе инсарского восстания полковой командир и офицеры были арестованы и посажены в острог³⁴. Помимо офицерских домов погрому и разграблению подверглись несколько десятков домов горожан, половина из которых принадлежала купцам, мещанам и солдаткам. Согласно выявленным С.В. Белоусовым документам, «у местных жителей было разграблено 15257 руб. 20 коп. денег, в домах перебито разного имущества... на 62642 руб. 70 копеек», общий же ущерб составил 137917 руб. 88 копеек³⁵.

После появления в Инсаре правительственных войск ратников удалось привести к присяге. В Саранске, где выступление ополченцев носило менее радикальный характер (они отказывались присягать без «настоящего» царского указа, но к погромам не приступали), их не удалось убедить присягнуть даже после появления в городе отряда под командованием полковника Тимофеева. Заявляя, что «они лучше идут в настоящие солдаты, а за помещиков служить не будут», ополченцы по-прежнему требовали собственноручно подписанный императором указ. Лишь после ареста 84 зачинщиков «у ратников были отобраны пики, а на следующий день они были приведены к присяге»³⁶.

15 декабря 1812 г. аналогичный случай произошел и в Чембаре. Здесь к требованиям ополченцев о предоставлении законного царского указа присовокупились претензии бытового характера к хозяевам домов, в которых ратники были размещены на постой. Чембар был одним из самых малочис-

ленных городов губернии, в нем проживало чуть более тысячи человек³⁷. Нагрузка на домовладельцев, вынужденных размещать ратников в своих домах, оказалась колоссальной. В каждом доме поселилось по 20 и более ополченцев. Вместе с тем многие жители города были настолько бедны, что не в состоянии были прокормить самих себя, не говоря уже о постояльцах. После того как ополченцы вступили в открытое вооруженное противостояние с правительственными войсками, власти были вынуждены применить артиллерию. В результате чего были убиты и ранены около 15 человек³⁸. По итогам событий была создана комиссия военного суда, которая распределила бунтовщиков на три категории: «Из всех трех полков тридцать два человека определено, наказав кнутом, сослать в каторжную работу, двести восемьдесят человек, прогнав шпицрутенами, отправить на дальние гарнизоны, и, наконец, до 800 человек наказать перед полками палками»³⁹.

Среди основных причин восстаний можно назвать: неудовлетворительную организацию ополчения, отсутствие четко налаженной системы снабжения ратников и казнокрадство; неудовлетворительную воинскую дисциплину в полках; низкую степень информирования ратников о задачах и целях ополчения. Социальные верхи были склонны видеть причины этих волнений в происках агентов Наполеона. П.И. Юматов писал: «Все эти дикие нелепости были следствием ... интриг Наполеона, который действовал через шпионов, рассеянные тогда по всей России..., в особенности евреев и обрусевших поляков»⁴⁰.

Если волнение ратников Пензенского ополчения давно и скрупулезно исследуется историками-профессионалами и краеведами-любителями, то выступление башкирских полков, располагавшихся в Самаре в 1812 г., изучено менее полно.

В августе 1812 г. в связи с формированием ополчения в Оренбургской губернии были созданы несколько десятков ирре-

гулярных полков башкир и мишарей. Они прошли маршем через несколько средне-волжских и заволжских городов⁴¹ – Самару, Сергиевск, Симбирск, Бугульму. Поздней осенью 1812 г. несколько башкирских полков оказались в Самаре. В каждом из них было более 500 человек и около 800 лошадей⁴². Самарскому городничему И.А. Второву пришлось экстренно решать проблему их размещения, поскольку он был уведомлен о приближении войск лишь за несколько часов до их прибытия. В городе и пригородной татарской слободе было размещено три полка – 7-й (первоначально он находился в д. Нижняя Падовка, Шмышляева тож), 8-й и 9-й, остальные два квартировались в соседних с городом селениях⁴³. Отсюда они должны были переправиться через Волгу и идти на Симбирск. Однако река долгое время не замерзала, поэтому полки вынуждены были находиться в уездном центре целый месяц, в течение которого И.А. Второву пришлось решать множество бытовых проблем с их размещением и регулировать взаимоотношения местных жителей и «инородцев». И.А. Второв так описывал это время: «Между тем в городе начались разные беспорядки, воровство и ссоры от пришедших гостей. Ни одного дня не проходило, чтобы не было жалоб особливо от жителей города на постояльцев. ... Город имеет изобильные луга, для сенокосов и все стога сена были расхищены иррегулярными воинами»⁴⁴.

В ночь с 17 на 18 ноября сбежали чуть более 200 башкир⁴⁵. Как показало следствие, подогреваемые слухами о том, что в Москве теперь новый царь «Пугач», а на войну их посылает не император, а ненавистный им правитель канцелярии Оренбургского военного губернатора Ермолаев, башкиры решили отправиться по домам. Помимо этого, до них дошел слух о возможном нападении на их селения казахов. Оперативные действия гражданских и военных чиновников позволили предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта⁴⁶. Несколько человек из беглецов вернулись обратно, остальные

были «арестованы у себя в кантоне и наказаны»⁴⁷. В конце ноября – начале декабря 1812 г. все башкирские полки были переправлены через Волгу. Уфимский историк Р. Рахимов рассматривает данный инцидент не как проявление социального протеста, но как выражение социальной фрустрации, порожденной давним конфликтом между казаками и башкирами, и вновь актуализированной нестабильной ситуацией военного времени: «Неплюевская провокация эпохи восстания Бартыши, когда казахи и их союзники стали кровными врагами, захватив обманом жен и детей башкир, сказала через 55 лет!»⁴⁸.

Таким образом, ряд городов Среднего Поволжья стал плацдармом для стихийных протестных настроений. Огромная роль в предотвращении дальнейших выступлений ополченцев принадлежит непосредственно начальникам городских полиций. Именно по их приказу в городах были закрыты все питейные заведения, организованы дневные и ночные караулы из горожан и казенных крестьян⁴⁹.

Война осложнила криминогенную обстановку в городах региона. Осуществленная накануне войны реформа системы охраны общественного порядка весьма слабо сказалась на эффективности работы городской полиции. Согласно указу 1811 г. на местах формировались войска внутренней стражи и определялась компетенция городской и военной полиций⁵⁰. Однако начальники городских полиций, лишённые возможности задействовать штатные и инвалидные команды для предотвращения беспорядков, оказались в крайне затруднительном положении. В 1812 г. даже полиция губернских центров испытывала кадровый голод, поэтому власти разрешили ввести здесь внештатные полицейские должности⁵¹.

В Самаре, к примеру, наступил настоящий коллапс правоохранительной системы. Иван Алексеевич Второв, совмещавший в 1812-1814 гг. сразу три должности – городничего, уездного предводителя дворянства

и земского судьи, описывал сложившуюся в городе обстановку в весьма мрачных тонах: «При полиции прежде была в ведении городничего инвалидная команда, которая после того причислена ко внутренней страже и управлялась каким-нибудь гарнизонным офицером, не мало не завися от городничего. Квартального надзирателя не было, а десятских человек восемь из стариков и мальчиков по очереди присылала Градская дума, и те жили по своим домам или квартирам. Не было ни одной будки, в городническом правлении находилось только двое писцов: один горький пьяница, а другой трезвее, из них первый вскоре по вступлении моем в городническую должность опился и найден близ кабака мертвым. ... Другой по прозванию Жевский был в чине коллежского регистратора и умел только переписывать набело. В городе по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлак пристающих к городу на плывущих вверх и вниз по Волге судах и лодках, случались ежедневно разные происшествия: драки, ссоры, воровство, которые должен я был разбирать словесно или производить следствие. А между тем непрерывно встречать и провожать идущие через город пешие и конные полки из Оренбургского корпуса к армии»⁵².

Всеобщая настороженность в отношении иностранцев, во многом обусловленная официальным предписанием главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.В. Вязмитинова от 5 июля 1812 г. о «разборе иностранцев», проявилась на местах в переписи иностранных подданных и наблюдением за ними⁵³. В Саратове кроме того было получено строжайшее предписание, «чтобы между колонистами не было таких людей, кои не российские подданные и у присяги не были и если таковые найдутся, тотчас отсылать их куда следует»⁵⁴. В средневожских городах иностранцев оказалось незначительное число. В середине 1812 г. два поляка с семьями жили в Инсаре, в Саранске временно проживал учитель француз Сарин Деродье,

в Саратове находилось 27 иностранцев, в Царицыне – 7, Вольске – 11, Петровске – 1⁵⁵. В средневожских городах под надзором полиции оказались также высланные из западных губерний польские аристократы. В середине июля 1812 г. в Пензу приехали граф Валевский и графиня Рыщевская, которая «слишком много любила заниматься политикой»⁵⁶. Таким образом, власти официально признавали возможность шпионажа со стороны иностранцев – подданных воевавших с Россией государств. Такая же позиция будет характерна для социально-политических установок власти столетие спустя, в годы Первой мировой войны⁵⁷.

Несмотря на успокоительные донесения губернаторов о «добром поведении»⁵⁸ поднадзорных, мемуарная литература сохранила иные сведения об их настроениях. Ф.Ф. Вигель писал, что графиня Рыщевская на следующий же день после получения в Пензе известия о взятии французами Москвы (8 сентября) устроила празднование этого события с двумя французами Радюльфом и Магиером. Правда, их веселье было прервано градом камней, полетевшим в ее окна⁵⁹.

Следует признать, что иностранные агенты и диверсанты действительно активно работали не только в западных, но и внутренних губерниях империи. Так, в 1812-1813 гг. в Саратове, Уфе и Оренбурге проживал некий Адам Моретти, он же грек Петр Иванов. Он был задержан в Астраханской губернии по подозрению в шпионаже. Во время обыска был вскрыт его сундук, в двойном дне которого полиция обнаружила «инструменты для съемки местности и план Оренбурга с расположением полков»⁶⁰.

Хорошо известна попытка экономической диверсии Наполеона против России. Речь идет о выпуске фальшивых ассигнаций на сумму от 6 до 6,5 млн рублей.⁶¹ Примечательно, что в современной историографии присутствуют и иные оценки этой акции французского императора. Так, В.П. Тотфалушин и Н.Н. Трошин полагают, что ее це-

лю был не подрыв российской финансовой системы, а снижение затрат на содержание «Великой армии» на захваченных территориях⁶². Имевшие хождение в западных губерниях и столице поддельные ассигнации проникли и в средневожские города. Так, в Саратове в апреле 1813 г. были выявлены фальшивки на сумму 1000 рублей⁶⁵.

Военная обстановка способствовала увеличению преступности и активизации социальных девиаций. Увеличилось число тяжких преступлений – разбоев и убийств. В мирное время преступления такого рода чаще всего фиксировались не столько в самих городах, сколько в уездах. Как верно заметил В.П. Тотфалушин, «война вообще обесценила человеческую жизнь: если с 1802 по 1810 г. (за девять лет) на территории губернии было совершено 72 «смертоубийства», то с 1811 г. по 1814 г. (за четыре года) – 90, причем они осуществлялись и в самом губернском центре (Саратове. – А.Б.)»⁶⁴. Так, в январе 1813 г. здесь были убиты два человека⁶⁵, что считалось экстраординарным событием, поскольку в мирное время такое же число убийств совершалось в течение года⁶⁶.

Значительно возросла частота бытовых конфликтов. Учитывая тот факт, что внутренние войска и инвалидные команды были задействованы в обучении ратников, а затем и в подавлении восстаний ополченцев⁶⁷, на плечи обывателей легли обязанности по размещению этих войск. Пока длилось расследование волнений ратников, «в Саранске и Инсаре располагались два батальона, каждый численностью от 300 до 400 человек... в Чембаре находился отряд ... состоящий из 193 «нижних чинов» при двух офицерах. Кроме того, в Пензе на некоторое время был оставлен один из башкирских полков, прибывших с графом П.А. Толстым, а из другого, поставленного в с. Сентяпине на границе с Тамбовской губернией, по одной сотне направлено в Инсар, Саранск и Чембар»⁶⁸. Квартирные комиссии городов Пензенской губернии рассматривали жалобы жителей на неправомерное и об-

ременительное размещение в их домах постояльцев. Неразбериха и превышение полномочий со стороны полиции («полиция о проходящих через город Пензу рекрутских партиях комиссии знать не дает, и отводит им квартиры сама собой без назначения оных комиссией») привели к тому, что Пензенская квартирная комиссия вынуждена была обратиться к губернатору с просьбой об урегулировании ситуации⁶⁹.

Еще одним фактором, дестабилизировавшим обстановку, особенно в уездных городах, стало появление в них пленных «великой армии». Они стали символом проникновения чужого мира в замкнутый уклад провинциальных центров. Дворяне и чиновники, воспитанные в западноевропейских культурных традициях, несколько романтизировали пленников, воспринимая их как поверженных врагов, к которым из человеколюбивых побуждений следует относиться снисходительно и даже покровительственно. Они оказывали пленным всяческую помощь – провиантом, одеждой и даже работой⁷⁰. При этом если французов, итальянцев, немцев дворяне воспринимали весьма толерантно, то в отношении поляков высшее сословие демонстрировало полную неприязнь. Не только вековое противостояние православного и католического мира, олицетворением которого были поляки, но и рассказы об их зверствах на захваченных территориях и уничтожении православных святынь⁷¹ предопределили крайнюю степень неприязни местных жителей к польским пленным.

Горожане небольших уездных центров менее терпимо, чем дворянская элита, реагировали на прибывших военнопленных. Пленные были для них чужаками, которые не носили православных крестов, курили, употребляли «нечистую» с точки зрения православного обывателя еду (например, зайчатину)⁷². Население некоторых городов Симбирской губернии устроило настоящую травлю пленным. В Самаре к пленным прикрепились придуманное каким-то «целовальником» прозвище «Париж пардон».

В рапорте самарского городничего читаем: «Многие хозяева, коим даны билеты на постой, в особых своих покоях испортили печи, или выставили окна, чтобы сделать неспособными для зимнего постоя, а если у кого и остались целы, то не дают дров для отопления, ... пленные солдаты ежедневно жалуются на хозяев, которые не только не дают им посуды и воды, но даже сена или соломы для спанья ночью, ... ругают их «собаками»»⁷³.

Представители полицейской власти (Саранск, Пенза, Самара) выступали защитниками пленных в конфликтах с местным населением, которое не гнушалось даже провокациями в отношении французов⁷⁴. Так, в Ставрополе «один приказной из господских отпущенников, богатый невежда Ш... из зависти, что находящихся там пленных офицеров принимают лучше, нежели его, ненавидел французов и старался всеми способами вредить им»⁷⁵. Он напоил городского голову и организовал мнимое нападение на него. Голове пропорол верхнюю одежду и нанесли легкую рану «ножом в задницу». В происшедшем был обвинен пленный солдат, который по просьбе хозяина дома, в котором тот находился на постое, послал на улицу закрыть ставни. Бедного пленника осудили, однако дело было отправлено на ревизию, в результате которой открылась невинность француза⁷⁶. В Курмыше после подобных провокаций пленные устроили «многие буйства: избили ямщиков и десятских». 8 военнопленных были осуждены и сосланы в Сибирь⁷⁷.

Если в уездных городах подобное противостояние продолжалось довольно долго, то в губернских центрах бытовые конфликты скоро сошли на нет. В конечном счете определенное число рядовых и офицеров «Великой армии» осталось в России. Всего к середине 1814 г. русское подданство приняло примерно 60 тыс. человек. В Симбирской и Пензенской губерниях их насчитывалось около десятка⁷⁸. Они пополнили штат не только домашних учителей, но и професси-

ональных ремесленников и торговцев. Так, к примеру, первая табачная лавка в Саратове была открыта в 1815 г. бывшим военнопленным Петром Ивановичем Кайро⁷⁹.

Важнейшим фактором, повлиявшим на городскую повседневность, стал приток в средневожские города беженцев из западных губерний и Москвы. Некоторые дворяне поселились в уездных центрах, невдалеке от которых располагались либо их имения, либо владения их дальних родственников и знакомых. Так, в октябре 1812 г. в Самару приехали семьи Толстых и Салтыковых⁸⁰. Большинство же дворян стремились поселиться в губернских столицах Поволжья. Отдельные дворянские семьи «добрались» даже до отдаленного Саратова, который поразил столичных жителей светской атмосферой. М.А. Волкова, московская дворянка, писала своей подруге: «Город очень хорош. ... Здесь есть хорошенький театр, была постоянная труппа, как говорят, очень порядочная»⁸¹. Можно без преувеличения сказать, что в «эпоху Отечественной войны 1812 г.» столичное дворянство открыло для себя русскую провинцию, неизведанную землю («Как переедешь Волгу, решительно не знаешь, куда попал»⁸²), «близкую от Азии».

Война породила моду на патриотизм. «Всю осень, по крайней мере, у нас в Пензе, в самых мелочах старались высказать патриотизм, – писал Ф.Ф. Вигель. – Дамы отказались от французского языка. Многие из них ... оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки... Что касается до нас мужчин, то ... принадлежащие некоторым образом к ополчению, получили право ... одеться в серые кафтаны и привесить себе саблю. Губернатор ... нарядился в казацкое платье, только темно-зеленого цвета с светло-зеленой опушкой... Слуг одел он также по казацки, и двое из них вооруженные пиками, ездили верхом перед каретой»⁸³.

Война повлияла и на религиозность горожан, усилила мистические настроения и эсхатологические ожидания⁸⁴, что отра-

зилось на мотивах светской и церковной благотворительности⁸⁵. В послевоенный период наблюдался всплеск храмостроительства. К примеру, в Саратове до 1812 г. не было построено ни одного храма. После войны строится Спасо-Преображенский монастырь (1814-1822), закладывается Ильинская каменная церковь (1815), в 1818 г. была построена Сретенская церковь на Верхнем базаре, а в 1825 г. началось строительство нового храма на месте старой церкви Нерукотворного Спаса⁸⁶. Кроме того, в Саратове, как и в других губернских центрах региона, начинается строительство храмов-памятников в честь победы русского оружия. Закладка нового Александро-Невского собора состоялась здесь 30 августа 1815 года⁸⁷. Подобные храмы были возведены также в Симбирске – Троицкий собор (1824-1841) и Пензе – Спасский собор (1804-1824). Храмы стали местом хранения военных реликвий. В кафедральных соборах находились штандарты ополчений, а в алатырском Рождественско-Богородском соборе – икона усекновения главы Иоанна Предтечи, подаренная жителям города Иваном Грозным. Этой иконой в декабре 1812 г. благословили ратников Симбирского ополчения, проходивших через Алатырь. По возвращении домой ополченцы передали городу список с этой иконы, находившийся с ними на протяжении всего похода, и походную церковь. Впоследствии список с этой иконы находился в соборном храме Симбирска⁸⁸. Таким образом, храмосоздательство можно рассматривать как механизм сохранения памяти о событиях 1812-1814 гг. и как акт церковной коммеморации, основная задача которой – памятное благодарение и прославление⁸⁹.

События 1812-1814 гг. стали катализатором формирования новой культурной идентичности городского провинциального социума. Одним из механизмов ее конструирования стала военная коммеморация, а также выстраивание внутригородского сакрального пространства,

включавшего религиозные святыни и местночтимых святых. Так, в Симбирске после войны особо стал почитаться местный юродивый Андриюшечка (Андрей Ильич Огородников)⁹⁰. После его кончины в 1841 г. симбиряне стали считать его небесным покровителем города.

Война породила массу финансово-экономических трудностей, отразившихся как на городском хозяйстве, так и на горожанах. Указ от 15 июля 1812 года предписывал: «1) остановить все гражданские строения какого бы то ни было ведомства; 2) остановить все выдачи ссуд частным лицам; 3) все капиталы и суммы, городам принадлежащие, как за удовлетворением одних токмо расходов остаться могут, обратить на таком же основании в Государственное казначейство, вследствие чего и по городам остановить на время терпящие расходы, как то строения и другие разные заведения»⁹¹.

Для многих горожан война была настоящей катастрофой из-за увеличения налогов и роста цен. Еще больше ситуацию дестабилизировало падение ассигнационного рубля (к 1811 г. его стоимость составляла 25,6 коп. серебром⁹²). Нестабильность финансового положения отразилась и на жаловании государственных служащих, которое выдавалось ассигнациями⁹³. Положение саратовцев осложнялось рядом местных обстоятельств – неурожаем и сильнейшем пожаром 1811 г., охватившим весь город (сгорело 1360 домов). Все это привело к увеличению цен на необходимые продукты питания. Дороговизна в городах региона держалась несколько лет⁹⁴. Вместе с тем война повлияла на покупательское поведение горожан. П.А. Берлин так характеризовал ситуацию на потребительском рынке: «Сильный патриотический подъем, вызванный в России Отечественной войною и предшествовавшими ей событиями, был, как нельзя, более на руку русской буржуазии ... Русский патриот начала XIX века ставит своей обязанностью покупать только русские товары, только в русских лавках»⁹⁵.

Под воздействием военной кампании 1812-1814 гг. изменился социальный состав населения провинциальных городов. В торговлю активно стали проникать крестьяне. Согласно манифесту 11 февраля 1812 г., разрешалась крестьянская торговля по торговым свидетельствам, что привело к конкуренции между торгующими крестьянами, мещанами и купцами. Вследствие этого «ускоряется падение старого купечества, усиливаются позиции крестьянских предпринимателей-промышленников и торговцев разного уровня»⁹⁶. Наиболее яркий пример разорения крупного купечества относится к Саратовской губернии. Одним из самых богатых купцов региона был вольский откупщик именитый гражданин В.А. Злобин. С ним и его семьей взаимными обязательствами и кредитами было связано все купечество города. В 1816 г. оказалось, что за Злобиным числится 6,6 млн рублей недоимок. Банкротом оказался целый город, который расплачивался выгонными землями⁹⁷. Разорение вольского купечества – ярчайший, но не единственный пример пошатнувшейся позиции торгово-промышленного сословия в социальной структуре «городского гражданства». Анализ источников показывает, что с 1810 г. по 1818 г. произошло существенное снижение доли купечества в сословном составе городов Пензенской губернии: численность мещанского сословия повсеместно увеличивалась, купеческого же, наоборот, сократилась в 2 раза⁹⁸. В 1812 г. в Пензе насчитывалось 2 купца 1-й гильдии, 4 купца 2-й гильдии и 86 купцов 3-й гильдии, мещан числилось 1751 душа. К 1815 году картина изменилась. В 1-й гильдии состоял 1 купец, во 2-й гильдии – 3, 3-й – 46. Мещан было показано 1883 души, цеховых – 32 души⁹⁹. Все это в дальнейшем привело к необходимости защитить интересы старого купечества, что выразилось во введении института почетного гражданства при Николае I.

Таким образом, условия военного времени повлияли на социальное развитие и

течение повседневной жизни городских центров тылового региона империи. В «эпоху Отечественной войны 1812 года» произошло соприкосновение горожанина-провинциала не только с миром столичной аристократии, но и с представителями иной культуры – пленными наполеоновской армии. Разные стратегии поведения по отношению к военнопленным, характерные для представителей провинциального дворянства и городского простонародья, свидетельствовали о сосуществовании в провинциальном социуме разных ценных установок и культурно-коммуникативных систем.

Важнейшим событием эпохи стало формирование ополчения. При этом необходимо подчеркнуть, что волнения, охватившие Пензенское ополчение и башкирские полки, носили стихийный характер и во многом были вызваны крайне низкой информированностью населения о происходящих процессах, а также многочисленными просчетами во время организационных мероприятий.

Война расшатала устои повседневного уклада жизни горожанина, привела к ухудшению уровня жизни, что проявилось в повсеместном росте цен на еду и товары первой необходимости. Она стала фактором осложнения криминогенной обстановки в городах региона. Крайне малочисленные и непрофессиональные полицейские команды, от которых требовалось в первую очередь оказывать помощь военному начальству в прохождении полков и команд, далеко не всегда справлялись с возросшим числом не только тяжких, но и мелких бытовых преступлений.

Военные кампании обескровили не только государственный бюджет, но и казну городов в связи с правительственным займом городских капиталов. Вместе с тем городская жизнь в годы войны и послевоенное десятилетие приобрела новые черты. Война способствовала росту национального самосознания как в макроисторическом

масштабе, так и на микроисторическом уровне, что проявилось в интенсификации процессов формирования локальной городской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белоусов С.В. Купечество Среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 59-63; Белоусов С.В. Пензенская епархия в эпоху Отечественной войны 1812 года // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 492-498.
- ² Артамонова Л.М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1(14). С. 159-164; Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары: Исследования / Отв. сост. М.Б. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. 607 с.; Попов А.И., Хомченко С.Н. Еще раз к вопросу о военнопленных французах в Самаре 1813-1814 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 186-189; Попов А.И., Хомченко С.Н. Из воспоминаний И.А. Второва о военнопленных 1812-1814 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 566-576; Тотфалушин В.П. Саратов в воспоминаниях военнопленных 1812 года // История и историческая память. 2010. № 2. С. 133-147.
- ³ Захарова М.Е. Война 1812 года и формирование национального самосознания в культурном пространстве провинции: монография. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2013. 176 с.
- ⁴ Тотфалушин В.П. «Беспорядки и замешательства» в Саратовской губернии в начале XIX века // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XVI Международ. научн. конф. Можайск: Тип. ЗАО «Бородино», 2011. С. 251-267. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2011/Totfalushyn.pdf (дата обращения: 02.04.2019).
- ⁵ Белоусов С.В. Провинциальный город в эпоху Отечественной войны 1812 года // Центр и периферия. 2009. № 4. С. 16-21.
- ⁶ Цит. по: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб.: Изд-во ДНК, 2007. С. 338.
- ⁷ Юматов П.И. Воспоминания ветерана 1813-1814 годов // Земство. 1996. № 1. С. 93.
- ⁸ Цит. по: Рахимов Р.Н. Башкирские полки в Отечественной войне 1812 года // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1 (34). С. 14-24.
- ⁹ Белоусов С.В. Рекрутские наборы в Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XVI Международ. науч. конф. Можайск, 2011. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2011/Belousov.pdf (дата обращения: 02.04.2019).
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ)-I. Т. XXXII. № 25052. 23 марта 1812 г. С. 241-242.
- ¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 251.
- ¹² Вигель Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. URL: <https://e-libra.ru/read/479840-zapiski-filippa-filippovicha-vigelya-chasti-pervaya-chetvertaya.html> (дата обращения: 03.04.2019); Скопин Н.Г. Записи дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1891. С. 450-451; ПСЗРИ-I. Т. XXXII. № 25176. 6 июля 1812 г. С. 388.
- ¹³ Жибарев П.Б., Эпштейн Д. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года / Под общ. ред. П. Софинова. Саратов: ОГИЗ, 1941. С. 16.
- ¹⁴ Иванов М.Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813-1814 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 13; Белоусов С.В. Пензенская губерния в «эпоху Отечественной войны 1812 г.». Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. С. 35.
- ¹⁵ Белоусов С.В. Пензенское ополчение в России и Европе 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XV Международ. научн. конф. Можайск, 2009. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2009/Belousov.pdf (дата обращения: 02.04.2019); Подсчитано по: Алухтин В.Р. Симбирское дворянское ополчение 1812-1814 гг. М.: Тип. В.И. Воронова, 2012. С. 9.
- ¹⁶ Вигель Ф. Записки...
- ¹⁷ Иванов М.Ю. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ Подсчитано по: Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 36; Иванов М.Ю. Указ. соч. С. 15.
- ¹⁹ Тотфалушин В.П. «За Веру, Царя и Отечество». Саратовцы в войнах России // История Саратовского Поволжья / Отв. ред. В.Г. Петрович; М.: ООО «Интеграция: Образование

- и Наука», 2016. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s207987840001061-6-2/> (дата обращения: 02.04.2019).
- ²⁰ Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 36, 99; Белоусов С.В. Купечество... С. 61.
- ²¹ Белоусов С.В. Купечество... С. 61.
- ²² Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372-1901. Симбирск: Губ. тип., 1901. С. 65.
- ²³ Скопин Н.Г. Записи дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1891. С. 452.
- ²⁴ Бирюкова А.Б. Подати и повинности городского населения Поволжья в первой половине XIX века // «Российская государственность: от истоков до современности». Сб. статей Междунар. научн. конф., приуроченной к 1150-летию российской государственности. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 436.
- ²⁵ ПСЗРИ-I. Т. XXXII. № 25198. 4 августа 1812 г. С. 405; ПСЗРИ-I. Т. XXXII. № 25279. 30 ноября 1812 г. С. 466-468.
- ²⁶ Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 года российским простонародьем. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/AgroNov1/> (дата обращения: 02.04.2019).
- ²⁷ Семевский В. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество 1812-1912 гг. Т. 5. М.: Изд-во Сытина, 1912. С. 81.
- ²⁸ Иванов М.Ю. Указ соч. С.17.
- ²⁹ Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 38.
- ³⁰ Мордвинова Н.Н. Записки графини Н.Н. Мордвиновой // Русский архив. 1883. Кн. 1. С. 172.
- ³¹ Юматов П.И. Указ. соч. С. 97.
- ³² Юматов П.И. Указ. соч. С. 98.
- ³³ Чистов К.В. Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 243.
- ³⁴ Юматов П.И. Указ. соч. С. 98-100.
- ³⁵ Белоусов С.В. Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XIV Всерос. науч. конф. М.: Полиграф Сервис, 2007. С. 107-125. URL: <http://kraeved.museum-penza.ru/files/kraeved/ratniki.pdf> (дата обращения: 03.04.2019).
- ³⁶ Белоусов С.В. Волнения...
- ³⁷ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 442. Л. 10об.
- ³⁸ Белоусов С.В. Волнения...
- ³⁹ Юматов П.И. Указ. соч. С. 103.
- ⁴⁰ Юматов П.И. Указ. соч. С. 98.
- ⁴¹ Цит. по: Рахимов Р.Н. Башкирские полки в Отечественной войне 1812 года // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1 (34). С. 19.
- ⁴² Рахимов Р. Тревожная осень 1812 года // Ватандаш. 2011. № 7. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=2080> (дата обращения: 02.04.2019).
- ⁴³ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 252; Рахимов Р. Тревожная осень...
- ⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 253.
- ⁴⁵ Рахимов Р. Тревожная осень...
- ⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 253-258.
- ⁴⁷ Рахимов Р. Тревожная осень...
- ⁴⁸ Рахимов Р. Тревожная осень...
- ⁴⁹ Белоусов С.В. Волнения ратников...
- ⁵⁰ ПСЗРИ-I. XXXI. № 24486. 16 января 1811 г. С. 516.
- ⁵¹ Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 98.
- ⁵² РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 250-251 об.
- ⁵³ Белоусов С.В. Провинциальный город... С.16.
- ⁵⁴ Цит. по: Тотфалушин В.П. «Беспорядки и замешательства»...
- ⁵⁵ Белоусов С.В. Провинциальный город... С. 17; Белоусов С.В. Поляки в Пензенском крае в XVIII - первой половине XIX века // Wieki stare i nowe. 2014. № 7 (12). С. 83-89; Тотфалушин В.П. Иностранцы Саратовской губернии в 1812 году: опыт коллективного портрета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2011. С. 98-101.
- ⁵⁶ Вигель Ф. Указ. соч.
- ⁵⁷ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 - начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2012. С. 413.
- ⁵⁸ Белоусов С.В. Провинциальный город... С.17.
- ⁵⁹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч.
- ⁶⁰ Тотфалушин В.П. «Беспорядки и замешательства»...
- ⁶¹ Трошин Н.Н. Русские ассигнации французской подделки: мифы и факты // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат. Междунар. науч. конф. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 557.
- ⁶² Тотфалушин В.П. «Беспорядки и замешательства»...; Трошин Н.Н. Указ. соч. С. 547.
- ⁶³ Тотфалушин В.П. Беспорядки и замешательства»...
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Скопин Н.Г. Указ. соч. С. 459.
- ⁶⁶ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. С. 89.
- ⁶⁷ Белоусов С.В. Волнения ратников...
- ⁶⁸ Белоусов С.В. Волнения ратников...

- ⁶⁹ Цит. по: Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 115-117.
- ⁷⁰ Иелин фон. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 2003. С. 199; Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 года и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 131-132.
- ⁷¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: НЛЮ, 1998. С. 86.
- ⁷² Зоден Ф.Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии. Пенза: ПГПУ, 2006. С. 15, 28. РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 276.
- ⁷³ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 276.
- ⁷⁴ Зоден Ф.Ю. Указ. соч. С. 15. РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 276.
- ⁷⁵ РГАЛИ Ф. 93. Оп. 1 Д. 24. Л. 273об.
- ⁷⁶ РГАЛИ Ф. 93. Оп. 1 Д. 24. Л. 273об., 274.
- ⁷⁷ РГАЛИ Ф. 93. Оп. 1 Д. 24. Л. 273об., 269об.
- ⁷⁸ Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года: автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2007. С. 11.
- ⁷⁹ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 59.
- ⁸⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 163. Д. 6 Л. 1-6.
- ⁸¹ Цит. по: Савинова Е.Н. Московские беженцы в 1812-1813 гг. URL: <http://mgorki.ru/2017-08-23-11-36-05/published-works/2017-08-23-12-52-44/135--1812-1813-> (дата обращения: 03.04.2019).
- ⁸² Цит. по: Савинова Е.Н. Московские...
- ⁸³ Вигель Ф. Указ. соч.
- ⁸⁴ Бирюкова А.Б. Социокультурное... С. 214.
- ⁸⁵ Белоусов С.В. Пензенская губерния... С. 100.
- ⁸⁶ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 54-66.
- ⁸⁷ Саратовские губернские ведомости. 1839. № 21. Приложение.
- ⁸⁸ Бирюкова А.Б. Храмы-памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года (на примере городов Среднего Поволжья) // Человек и общество в условиях войн и революций. Мат. II Всерос. науч. конф. Вып. 2 / Под ред. Е.Ю. Семенов. Самара: СамГТУ, 2015. С. 247.
- ⁸⁹ Цит. по: Будюкин Д.А. Храмосоздательство и места погребения дворян Кожиных: трансформация коммеморативных практик в XVII-XIX вв. // Вестник ПТСГУ. 2015. Вып. 5 (66). С. 23-35.
- ⁹⁰ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 129.
- ⁹¹ ПСЗРИ-I. Т. XXXII. № 25186. 15 июля 1812 г. С. 386.
- ⁹² Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (дата обращения: 03.04.2019).
- ⁹³ Писарькова Л.Ф. Указ. соч.
- ⁹⁴ Скопин Н.Г. Указ соч. С. 458, 483.
- ⁹⁵ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М.; Л., 1922. С. 58.
- ⁹⁶ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство до реформенной России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 62.
- ⁹⁷ Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 63-64.
- ⁹⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 260. Л. 2-83; Д. 261 Л. 32-36об.; Д.627. Л.16-21об.
- ⁹⁹ Хохряков В. Материалы для истории г. Пензы. // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Кн. III. Пенза. 1903. С. 28-29.

PROVINCIAL TOWN AND ITS CITIZENS IN THE ERA OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 (ON MATERIALS OF THE PROVINCES OF THE MIDDLE VOLGA REGION)

© 2019 A.B. Biryukova

Samara State Technical University

The author considers the factors that had the greatest impact on the urban everyday life in the era of the Patriotic war of 1812 and influenced the further socio-cultural development of the cities of the Middle Volga region.

Keywords: provincial town, Patriotic war of 1812, Middle Volga region, urban everyday life, refugees, prisoners of war, militia, Church building.

Anna Biryukova, Candidate of History, Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Russian History. E-mail: annabir@mail.ru